текстов, но был своего рода прозаическим «предтекстом» стихотворений [13, с. 140—141].

Тем самым в этом генетическом аспекте поэзии XX в. сокрыта «память» о некоторых общих механизмах возникновения поэтического произведения, модификация которых может стать одним из предметов изучения сравнительного литературоведения и исторической поэтики.

Возвращаясь к рукописям Пастернака, следует отметить еще одну их примету: в них остаются неиспользованными прекрасные строки и строфы, которые противоречат его общим представлениям о творчестве, характеру восприятия жизни и природы. И в этом смысле его черновики обладают какой-то особой нравственностью. Так, в стихотворении «Весна в лесу» (1956) была третья строфа с образом больной весны («Весне в лесу неможется»), которая исчезла из окончательной редакции. Интересно, что и в черновиках раннего третьего стихотворения цикла «Весна» (1914) были две строфы о весне как болезни, возможно, навеянные пушкинским «Весной я болен»; но и они были отброшены. Так же он поступает и со строками из первоначальной редакции «Высокой болезни» (1924) о «больных березах», сравнениями оттепели с «холодным потом» больного. Намерение написать отдельное стихотворение о больной весне возникало на всем протяжении его творчества, но так и не осуществилось. И это вполне объяснимо, если иметь в виду специфичное для Пастернака отношение к жизни и к природе — здоровое и доверчивое их приятие.

В 1923 г. О. Мандельштам писал: «Стихи Пастернака почитать — горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны для туберкулеза» [15, с. 71]. И в этом смысле Пастернак — поэт гётевского типа. Ему были чужды болезненность и трагизм, а вернее, для него трагизм не отделим от катарсиса. Именно так он объяснил смысл названия цикла «Вакханалия» в одном из писем: «⟨...⟩ в античном смысле, то есть в виде вольности и разгула того характера, который может считаться священным и который давал начало греческой трагедии, лирике» [6, с. 29]. «Вакханалия», за которой стояли весьма горькие для поэта события (предательство собратьев по перу, в результате которого было окончательно решено не печатать роман «Доктор Живаго» и мн. др.), и разрешается катарсическим стихотворением «Цветы ночные...», которые «не помнят безобразий». И лишь в черновиках остались прямые отзвуки жизненной трагедии.

Генезис стихотворений книги «Когда разгуляется» тяготеет к классичности, ибо, как показывают черновики, Пастернак ведет слово, отказываясь от чуждых для его поэтического мира тем и образов, за которыми он закрепляет устойчивые значения, дабы придать этому миру цельность и органичность. Тяготеет к классичности прежде всего еще и потому, что все борения на листах черновиков — это борения, устремленные к завершению произведения.

Рукописи стихотворений О. Мандельштама, свидетельствующие о неостановимости процесса писания, контрастны рукописям Пастернака. Само понятие «окончательный текст» для Мандельштама, как это явствует из черновиков поэтического цикла «Армения», стихов к А. Белому и др., всегда и с самого начала работы над произведением проблематично [7, с. 36]. Примером тому могут служить прежде всего стихи на смерть А. Белого (январь 1934 г.), которые И. Семенко относит к произведениям с «открытой композицией», т. е. «когда в программу (создания стихотворения.— *И. П.*) не входит закономерная остановка или сокращение смыслового, речевого потока» [7, с. 97].

Известно, что сам поэт ощущал избыточность исходно создаваемого им текста. Вот почему в «Разговоре о Данте» Мандельштам утверждал: «В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей» [15, с. 127]. Может быть, это связано с тем, что Мандельштам, часто сочиняя стихи на ходу, устно, как и Маяковский, не записывал их «в записную кни-